
День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мякоть
С восторгом бешеным, готов
Конквистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тётке,
В прохладный сумрак, в синеву –
Чтоб где-то там без слёз, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

Набычив лоб, сойдя с ума,
И умертвив в октавах звуки,
Вновь расторопная зима
Ребенком просится на руки.
Она предчувствует разлад...

Кричит: " Юродивый, покуда
В грехах замешкался Пилат
И от судьбы бежит Иуда –
Твори! " Пытаясь мне помочь,
Деревья вскакивают с места...
Вот только странно в эту ночь
Смерть разодета – как невеста.

Возлюбленная мной, – в момент полураспада,
Жизнь не растормошив признанием роковым,
К безрадостной судьбе крамольного комбата
Примериваюсь, в грудь впуская терпкий дым.
Раздробленной судьбой – зачитываюсь. Скоро,
Потёртость вздорных плеч запрятав в соболя,
Ты под бравурный марш срамного приговора,
Жизнь выскоблив, сбежишь, как крыса с корабля.

Голос, взгляд, походка, жесты –
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнёт к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: "Все мы смертны",
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: "Горько!".
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным – страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь - скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так – было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует – растолстеть,
А он – состариться от скуки.

Жизнь непроста.
Смерть многогранна.
С верой в Христа
Спит Дона Анна.
Спит Командор.
Скромно и смело
Спят с давних пор
Гамлет, Отелло.
В гроб Дон Гуан
Снёс васильковый,
Модный кафтан.
Для Казановы –
Дочка, жена,
Сваха, невеста –
Где-то нашла
Тихое место...
Сколько их, Бог,
Тех, кто из блюда
Выпив, не смог
Утром проснуться?!
Выскоблив лбы
Жизненным стажем,

Скоро и – мы
Где-нибудь ляжем.

Дурная наследственность, взгляд исподлобья;
Бесстрастно, бессмысленно, жуликовато
Хрустят под стеклом бессловесные хлопья,
Как взрывы, в подследственном штате Невада.
Всё так же – в зашторенность чопорных зданий
Прицелившись – ластится зверь високосный
К взволнованным планам народных восстаний...
Ты слышишь – как плачут кремлёвские сосны?!

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбодрив судьбу хлыстом,
Твёрдой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батя в платье чёрно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью: "Трогай!",
Ради нас - в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином – сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздвогнув, пробует подправить
Сволочной оскал – дорог.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошкара...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба;
Надуманый страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

В декабре, в одном исподнем,
Мрачным утром - невзначай
Выпорхнув из преисподней –
Вместо спирта в крепкий чай
Ткнула мордой: "Недоносок,
Пей! Расплещешь... Побратим,
Станет гроб из жёстких досок
Вечным лежбищем твоим."

Передёрнув затвор беспросветной печали,
К ремеслу пристегнув взвод соломенных вдов,
Как младенца, шесть дней в колыбели качали
Расторопные улицы злых городов
Неустроенный быт, заскорузлость... Саратов,
Красноярск, присмирив кверху поднятый кнут,
В обездоленность лиц, в заторможенность взглядов
Даже видимость жизни уже не вдохнут.